

ŻANNA SŁADKIEWICZ

**„Россия поднимается с колен” четверть века спустя:
медиалингвистический анализ политической мифологемы**

**“Russia is rising from her knees” a quarter of a century later:
A media-linguistic analysis of the political mythologeme**

Abstract. The focus of this article is the national political myth “Russia is rising from its knees” constituting the foundation of the narrative practices of state propaganda, an effective mechanism of suggestion, inscribed in the national picture of the world, based on archetypal ideas of society and not requiring an evidence base. The significance of the myth in the political sphere lies in the fact that it is based not on intricate intellectual arguments, but on the hypnotization of the masses, updating mythological narratives and appealing to irrational, emotional consciousness. The mythologeme – as a verbal carrier of the myth, a complex type of a sign with the function of a concept and figurative content – serves as a symbolic encoding of the world and consolidation of society. Complex phenomena fitted into a fixed verbal formula are reduced to generally understandable ideas, take hold in collective consciousness via stereotypical nominations and become the subject of faith, not reasoning. The author consistently defines the national myth and the political myth, determines the functions of the political myth, traces the genesis of the mythologeme “Russia is rising from its knees”, its wide distribution in Russian society, its symbolic and semantic content and, finally, the ridicule of this political construct in the corpus of memes. The analyzed Internet memes are a product of collective network creativity, the result of a culture of resistance to political mythology. The article contributes both to the theory and to the practical analysis of the mythology.

Keywords: mythologeme, political myth, Russian propaganda, Putin’s presidency, meme

Żanna Słatkiewicz, University of Gdańsk, Gdańsk – Poland, zanna.sladkiewicz@ug.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0001-7237-5328>

**К вопросу о понятиях политический миф,
мифема, мифологема**

Специалисты в области политической коммуникации констатируют, что „едва ли не самой важной и вместе с тем самой тревожной особенностью современной политической жизни является возникновение новой силы – силы мифологического мышления” (Кассирер 153). В фокусе современных гума-

нитарных исследований находится национальный миф как фундамент нарративных практик государственной пропаганды, как эффективный механизм суггестии, вписанный в национальную картину мировидения, основанный на архетипических представлениях социума и не требующий доказательной базы.

На сегодняшний день существует множество определений мифа как феномена и продукта культуры, не исчерпывающих, однако, всей многосторонности данного явления, что также нашло отражение в научной рефлексии (ср. Klemczak).

В ряде исследований национальный миф трактуется весьма широко: как мифологизированная версия народа и его миссии (Biernat 213) либо как „некая значимая история” (Boer 9). Напротив, литовский исследователь Альвидас Никжентайтис в некоторых аспектах миф уподобляет национальному стереотипу: „Mity narodowe, podobnie jak stereotypy, pojawiają się wtedy, kiedy grupa etniczna identyfikuje się z historią kraju lub poszczególnymi rostaciami albo wydarzeniami, a jednocześnie próbuje przede wszystkim zrozumieć swoje miejsce w otaczającym ją świecie” (Nikžentaitis 20).

Осмысление национального мифа связывают с концепцией культурного программирования Герта Хофтеде (Hofstede 17), когда миф понимается как социальный продукт, результат культурно запрограммированного сознания определенной общественной группы, которая воспринимает другие государства сквозь призму стереотипа, в соответствии с которым размещает их в своем аксиологическом пространстве (Flood 95–101).

Хотя миф, как правило, относят к спонтанному и иррациональному действию, он может контролироваться одним актором и создаваться по заказу (Biernat 55). В этом усматривает различие между национальным мифом и политическим мифом политолог Глеб Мусихин:

[...] миф – это часть структуры архаичного сознания. В современности мифов не существует. В современности слово „миф” можно употреблять только в кавычках [...] давайте не будем мифологизировать современных агитаторов и пропагандистов. Это профессионалы, работающие за деньги [...] Ничего мифологического в этом нет (*Rossijskie mify – starye i novye*, электронный ресурс).

Политический миф понимается как

те или иные культурные образцы, осколки каких-то повествований, символы или фигуры, которые сделаны из современного светского материала и выполняют основополагающие функции, аналогичные тем, которые в традиционных обществах выполняли образцы сакральные. [...] т. е. осмысление и представление некоторых ключевых моментов в структуре и процессе формирования коллективной идентичности страны, идентичности „мы”, поддержание этой коллективной идентичности, сплочение людей, пусть воображаемое, вокруг соответствующих ключевых, опорных символов (*Rossijskie mify – starye i novye*, электронный ресурс).

Согласно Борису Дубину, подобные символы или мифы отсылают к процессам создания и ослабления коллективного „мы”, к врагам этого „мы”, к искушениям, которыми „нас” испытывают, к спасению, через которое проходит коллективное „мы” или которое брезжит „нам” в будущем.

Леонид Мутовкин (Mutovkin, электронный ресурс) выделяет базовые *черты мифического нарратива*:

- 1) *полиморфность* – один и тот же набор символов может присутствовать в разных мифах, а одна и та же тема мифа может иметь разную направленность и различное эмоциональное восприятие;
- 2) *ограниченность* – миф использует ограниченное число символов, но в мифах возможны их многочисленные комбинации. Миф подчиняет себе знаковые (символические) формы, придавая им идеиный смысл и узнаваемую нарративную форму (Barthes 239); он требует внутренней связности смысла и реальности с помощью знакомых образов, создает представление о вечном внутреннем и внешнем враге, дает видение счастья и социально-психологического комфорта (Аčkasов 23);
- 3) *отвлеченностъ* – миф не соотносится с эмпирической действительностью;
- 4) *фундаментальность веры* – миф опирается на допущения, не требующие их проверки независимо от их истинности;
- 5) *статичность* – миф не соотносится с историческим и социальным временем, он живет в своем собственном временном измерении.

Началом политического мифа является не конкретное событие, а соответствующим образом мифологизированное прошлое, которое служит отправной точкой (Eliade, 1993: 42–48). При этом миф перманентно подвергается реинтерпретации и реконструкции (Berting, Villain-Gandossi 24–25; Lévi-Strauss 15–54), это динамическая, изменяющаяся во времени форма нарратии, отвечающая потребности социума интерпретировать текущую реальность (ср. Nowak). По наблюдениям исследователей, политические мифы относятся не к прошлому, а к будущему, поскольку „будущее актуализирует существование в определенном смысле, то есть точку, из которой миф черпает свои образы и свойства” (Boer 22). В темпоральном ракурсе миф – это уникальная структура, объединяющая прошлое, настоящее и будущее в один символический аспект.

Дубин указывает на основные *причины высокой суггестивности политических мифологем* (*Rossijskie mify – starye i novye*, электронный ресурс):

- 1) Мифополитические структуры работают на предельное упрощение реальности, ее бинаризацию, основываются на универсальных архетипических антиномиях: мы – они, добро – зло, герой – злодей, цивилизация – хаос, память – забвение, черное – белое и др., в связи с чем

мифологемы действуют сильно и легко усваиваются теми, кто хочет осмыслять себя как часть всех.

- 2) Миф постоянно воспроизводится, живет повторением в массмедиа.
- 3) Обычно смысловое содержание мифа представлено в персонифицированной форме, что облегчает его восприятие и усиливает его воздействие на массовое сознание. Как отмечает Стефан Клемчак, метафора является наиболее мифообразующим языковым средством, поскольку представляет собой максимальную конденсацию значений (Klemczak 48–52).

Итак, национально-политическая мифологизация – это социальный акт вербализации полисемантических значений, это перманентный процесс создания и тиражирования смыслов существующих мифов, сменяющих друг друга аналогий и метафор, естественно, с пропуском содержания, не соответствующего мифополитической интерпретации, доминирующей в данном дискурсе.

Политический миф *полифункционален*:

1. К его основным задачам можно отнести, прежде всего, разъяснительные *политические* и *пропагандистские* функции (Aklaev 273). Миф моделирует реальность и настоящее, придает смысл беспорядочным политическим событиям, фактам социальной жизни, объясняет их суть (Kowalski 33). Каждый мифический нарратив социализирует и в то же время делает понятными текущие явления, включая их в некий общий символический универсум данного народа. Политический миф накладывает на действительность сеть своих понятий, придает ей ритуальный и аксиологический смысл (Siewierska-Chmaj 15). Согласно Георгию Почепцову, политический миф представляет собой „многократно апробированные схемы социальной интерпретации действительности” (Рошерсов 55).
2. *Персуазивная* функция реализуется посредством понимания политическим сообществом нарративного потенциала политического мифа (Lewandowski 103).
3. Политический миф лежит в основе *легитимности* всех политических институтов и деятельности политических элит. Миф – это не просто рассказанная история, а регламентация и санкционирование определенной модели поведения (как героизация самопожертвования в мифе о Прометее). При этом миф работает на снижение ответственности общества за предосудительные действия, в т. ч. военные преступления. Так, Алексей Левинсон, руководитель отдела социокультурных исследований центра Левады, обращает внимание на то, что, к примеру, миф об особом пути России позволяет находящимся внутри этой мифиче-

ской структуры выстраивать представление о себе как о тех, чьи действия не только недоступны обычному восприятию, но и не подлежат ничьему суду (*Rossijskie mify – starye i novye*, электронный ресурс).

4. Национально-политические мифы выполняют *интегрирующую* функцию, „дают ощущение общего корня социума” (Wiński 179). Миф не только объясняет существующий порядок и устанавливает статус-кво, но и консолидирует общество как на ментальном, так и на деятельностном уровне. Интеграция осуществляется и через культуру, поскольку политический миф прочно укоренен в культуре, является ее основой и создает культурную идентичность (Kotarba 115).
5. Политолог Любовь Фадеева отмечает, что мифу присуща *компенсаторная* функция, которая „четко проявляется в современной российской действительности. Это некий комплекс неполноценности, стремление доказать, что мы не хуже других, а другие ничем не лучше нас” (*Rossijskie mify – starye i novye*, электронный ресурс). Мифы позволяют реализовать „стратегии идеологического квадрата”: максимизировать свои собственные победы, минимизировать успехи противников, максимизировать неудачи противников и минимизировать свои собственные потери.

Для Ролло Мэя *миф* – это форма вневременной наррации, которая укрепляет веру в смысл индивидуального и коллективного существования. В его убеждении, мифы конструируют желательную, оптативную картину мира, создаются подсознательно и отождествляют надежду общества и видение новых целей (May 13). Политический миф имеет специфический временной характер, он превращает профанное в сакральное, ему свойственны иррационализм и эмоциональность, а также выразительная оценочность, он всегда связан с ритуалом, а также становится источником прецедентов (Szacka 483). Миф направлен на сглаживание социальных противоречий, он „служит средством адаптации к объективной реальности для социальных групп, не способных рационально анализировать сложные ситуации” (Šejgal 134).

В современных исследованиях в отношении идеологических конструктов, отличающихся аксиоматичностью и неверифицируемостью, аппелирующих к иррациональному, эмоционально-образному сознанию и позволяющих интерпретировать действительность в нужном направлении, используется понятие *мифологемы*. Последняя трактуется как разновидность *идеологемы* (подробнее см. Zemszal) – универсалии политического дискурса, несущей идеологическую нагрузку текста, имеющей выразительную оценочность, распространяющуюся на весь текстовый континуум. Идеологема определяется как заранее заданная идея, которая ложится в основу номинации и ориентирует массовое сознание в нужном направлении. С помощью идеологем

и мифологем современная действительность идеологически кодируется, чтобы общество могло построить свою идентичность. По замечанию Натальи Клушиной, идеологическое кодирование – это

сложный, многоступенчатый и ювелирный процесс, сродни генной инженерии: квант смысла получает не просто оценку, но и эмоцию, а также яркую, запоминающуюся, но в то же время pragmatичную стилистическую упаковку (Klušina 95).

Итак, мифологема – это вербальный носитель мифа, устойчивый и повторяющийся конструкт сознания, обобщенно отражающий действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций (Słatkiewicz 208). Сложные явления, укладываясь в устойчивую словесную формулу мифологемы, редуцируются до общепонятных идей. Такие формулы легко укореняются в массовом сознании с помощью стереотипных номинаций и становятся „предметом веры, а не рассуждения” (Levi-Brûl'). С помощью мифологем происходит канонизация реальных исторических событий, поэтизация и героизация повседневности. Мифологема как вербальный знак препрезентирует символическое значение компрессированного мифа, что „способствует его «консервации» в коллективном сознании. Мифологема при надобности всегда может быть развернута в целостный миф” (Klušina 90).

Миф в целом атрибутивен человеку, но сейчас, по наблюдению Игоря Яковенко, „российское общество стремительно утрачивает историческую адекватность. Агрессивная мифологизация массового сознания – одно из самых тревожных свидетельств этого” (*Rossijskie mify – starye i novye*, электронный ресурс). Значимость мифа в политической коммуникации связывают с тем, что он основывается не на глубоко проработанной рациональной аргументации, а на пропаганде, представляющей собой, по словам политолога Андрея Савельева, „язык аллегорий, гипнотизирующий массы, язык мифологем и мифосюжетов. [...] Масса ищет ослепления и сенсации, а не логики” (цит. по: Šeigal 136).

В современном российском политическом дискурсе тиражируются различные политические мифы, наиболее известными из которых являются „Москва – третий Рим”, „мессианская роль России”, „особый путь России”, „непостижимая умом Россия и загадочная русская душа”, а также конструкт „Россия поднимается с колен”, находящийся в фокусе нашего исследования.

Генезис мифологемы „Россия поднимается с колен”

В силу полярной оценочности мифологического нарратива каждому мифу соответствует некий *контрмиф*, ср.: „Путинская пропаганда и созданная ею

гражданская квазирелигия держится на ограниченном наборе позитивных и негативных мифов. Каждому отрицательному, пугающему мифу противостоит положительный. Вывод (на основе синтеза негативного и позитивного мифов) льстит самолюбию обывателей и одновременно поддерживает их лояльность режиму”, – пишет социолог Игорь Эйдман на своей странице в Facebook (*Igor' Ejdm...*, электронный ресурс) и приводит несколько примеров такой цепи – 1) негативный миф, 2) позитивный миф, 3) синтез (вывод):

- 1) Лихие 90-е. 2) Путинская стабильность. 3) Не будет Путина – будет опять бардак, как в 90-е.
- 1) Бандеро-фашистская Украина. 2) Россия – победитель фашизма. 3) Путин прав, что борется с фашизмом в Украине, защищает русских от бандеровцев.
- 1) Запад, приходящий в упадок. 2) Россия, поднявшаяся с колен. 3) С Путиным мы лучше всех.

По наблюдению публициста Олега Мороза, уже два десятилетия целенаправленно и масштабно внедряется миф о том, что эпоха Горбачева–Ельцина – это исторический провал, хаос и развал. Ему соответствует одновременное конструирование в массмедиа контрмифа о том, что с приходом Путина Россия стала „подниматься с колен” (*Rossijskie mify – starye i novye*, электронный ресурс). В этом политическом мифе можно выделить ряд существенных мифем – меньших элементов того же мифа (Basyrov):

- „Путин остановил развал страны”.
- „Путин прекратил беспредел 1990-х”.
- „Путин сделал Россию сильной мировой державой!”
- „При Путине Россия вернула Крым”.
- „На Западе Путин как кость в горле”.
- „При Путине выросло благосостояние народа. Многие имеют по две иномарки на семью”
- и др.

Юрий Афанасьев отмечает, что данный миф соответствует ожиданиям общества, утратившего после распада СССР статус сверхдержавы¹:

За последнее время с помощью кремлевских политтехнологов, СМИ и т. д. выработана, с точки зрения Кремля, довольно законченная конструкция, которую можно было бы назвать мифом о XX веке или мифом путинизма. Эта конструкция многосложная. В ней есть несколько мифов. К примеру, миф о стабильных путинских временах, пришедших на смену лихим 90-м; миф, связанный с толкованием событий Великой Отечественной войны, на

¹ Ср.: Мирча Элиаде отмечает, что политический миф – это проекция состояний общества и описание происходящих в нем явлений, которые не обязательно подлежат научной рационализации, но требуют социального объяснения для эффективной коммуникации (Eliade 1999: 23–45).

котором держится миф о Сталине и в целом о сталинизме... В числе этих мифов – и миф о поднимающейся с колен России, занимающей, кстати, в этой конструкции одно из главных мест. Как в целом лжива данная конструкция, так лжив и этот миф. На самом деле Россия ни с каких колен не поднимается, но массовому сознанию россиян хотелось бы, чтобы это произошло, потому что после всего, что относительно недавно случилось – крушение СССР, потеря статуса великой державы, – общественное массовое сознание россиян ощущает необходимость некой компенсации. Вот и появился миф о том, что, мол, мы валялись, нас топтали, оскорбляли, но мы, тем не менее, поднимаемся с колен и нас снова боятся. Кажется, будто бы всё восстановлено и все довольны – и кремлевские политтехнологи, и масса россиян. Но в действительности – полный обман (*Podnâlas' li Rossiâ s kolen?*, электронный ресурс).

Миф о стране, встающей с колен, заполнил страницы печатных и интернет-изданий с 2000–2001 годов: *Машиностроение поднимается с колен*; *Авиационная отрасль поднимается с колен*; *Ходорковский: Я помогал предприятиям подняться с колен после развала Союза* и др. (Słatkiewicz 233). Воображения о резком подъеме отразились в т. ч. в научной и популярной литературе. Так, обстоятельная книга доктора исторических наук Анатолия Уткина переполнена утверждениями типа: „Россия встает с колен... возвращается на мировую арену сильной и уверенной в себе державой” (Utkin 658) – на фоне гротескного падения Запада. По прошествии нескольких лет, когда выражение приняло характер публицистического штампа и массовое сознание это ощутило, участились социальные опросы на тему „Поднялась ли Россия с колен?” (*Podnâlas' li Rossiâ s kolen?*, электронный ресурс), а также началось выяснение истоков появления мифологемы.

Данное выражение, ставшее существенным элементом современной патриотической идеологии, стало расхожим уже в начале 1990-х (Prânikov). Его авторство приписывается писателю Марку Любомудрову, во время выступления на празднике „Лики России” в 1989 году заявившему: „Россия поднимается с колен и вынимает кляп изо рта” (*Svobodnoe slovo Rusi*). Однако широкую известность эта фраза получила после инаугурационной речи Бориса Ельцина при вступлении в должность Президента РСФСР в 1991 году, где она прозвучала в качестве символа обретения Россией своей государственности (Izmajlov, Kostomarova):

Я с оптимизмом смотрю в будущее и готов к энергичным действиям. *Великая Россия поднимается с колен!* Мы обязательно превратим её в процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое и суверенное государство. Уже началась многотрудная для всех нас работа. Перейдя через столько испытаний, ясно представляя свои цели, мы можем быть твердо уверены: Россия возродится!

Метафорический образ России, встающей с колен, быстро перекочевал в среду русских ортодоксов, патриотов и националистов и использовался

в 1990 годах в песнях Игоря Талькова *Мы жестокого времени дети*, Егора Летова *Родина*, в предвыборной агитации Виктора Алксниса и Владимира Жириновского (рис. 1–2).

Потрудились вожди-палачи / Сделать всё что возможно, / Чтоб Россия уже никогда / Не смогла разогнуться, / Встать с колен и очнуться от сна... (Tal'kov);

Вижу – поднимается с колен моя Родина / Вижу, как из пепла восстаёт моя Родина / Слыши, как поёт моя великая Родина / Снова поднимается с колен моя Родина (Letov).

Рис. 1

Рис. 2

Ресурс: <https://ljfun.livejournal.com/1815150.html>.

Наибольший резонанс мифологема обрела после заявления Владимира Путина в должности премьер-министра в сентябре 1999 года: „Россия может подняться с колен и как следует огреть” (*Известия*, 17.09.1999). Эта фраза тогда прозвучала как призыв к сплочению нации перед внутренней и внешней угрозой на фоне драматических событий месяца – нападения чеченских боевиков на Дагестан, взрыва жилых домов в Волгодонске и Москве.

Каждый политический миф является результатом определенных отсылок к ранее сложившимся и социально укорененным *архетипам*. Именно из каталога этих структур и после добавления новых элементов, социальных или политических, создается миф как модернизированная форма архетипа (Eliade 1998). В понятийной структуре мифа о России, встающей с колен, можно усмотреть объединение нескольких архетипических образов, наиболее существенными из которых являются два. Первый из них – это образ бо-

гатыря Ильи Муромца, который спал богатырским сном долго, 33 года, после чего проснулся и одолел всех врагов, установил мир и порядок. Второй – это персонифицированный образ России – многострадальной матушки-России, сильной и самоотверженной русской женщины и даже России-любовницы.

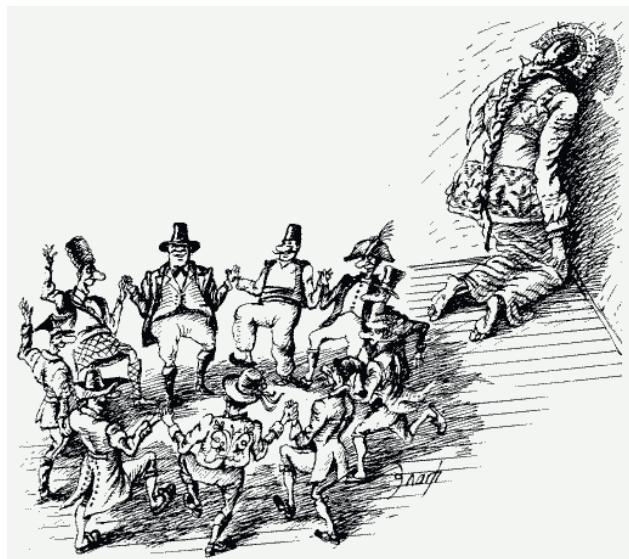

Рис. 3

Ресурс: https://www.ej.ru/?a=note_print&id=12141.

Так, Олег и Татьяна Рябовы трактуют образ поднимающейся с колен России как дефеминизацию (ремаскулиниацию) российского общества, при чем „слабость России и отказ стран Запада считаться с ее интересами проявляется, например, в образе России как отвергнутой любовницы, готовой отомстить” (Râbov, Râbova 252). Фактическая изоляция страны в Европе, дискурсивное вытеснение её из сообщества цивилизованных стран отражены в образе коленопреклоненной русской женщины, как на рисунке выдающегося карикатуриста Михаила Златковского (рис. 3). Изображение представляет собой стоящую на коленях в углу босую женщину – Россию, узнаваемую по традиционному наряду, кокошнику и длинной косе. Рядом с ней радостно пляшут небольшие, по сравнению с Россией (даже на втором плане превышающей их по размерам, вопреки закону прямой перспективы), персонифицированные европейские государства, распознать которые не представляет труда по характерным элементам традиционных

нарядов. Коленопреклоненная поза одинокой России является причиной несказанной радости ее бывших союзников, изображенных, что важно, в образе мужчин.

Начало президентства Путина отмечено тем, что в официальном дискурсе русский мужчина предстает в образе воина, защищающего свою страну и своих женщин. Так, уже в сентябре 1999 года, в одном из выступлений на тему возобновления военных действий на Северном Кавказе, Путин призывает защитить честь и жизнь русских женщин (подробнее см. Šaburova). Показательно выступление президента после теракта в Беслане в сентябре 2004 года, в котором он заявил: „Мы проявили слабость. А слабых бьют” ([lenta.ru>news/2004/09/04/putin/](http://lenta.ru/news/2004/09/04/putin/)).

Процесс ремаскулинизации, помимо создания привлекательных национальных канонов мужественности, включает в себя и феминизацию Чужих:

Поскольку гендерная метафоризация принимает участие в формировании социальных иерархий, постольку допустимо выделять такую функцию гендерной метафоризации, как установление и поддержание властных отношений. Трактовка фемининного в качестве девиантного, нуждающегося в контроле, определяет основную – хотя и не единственную – форму гендерной метафоризации: маскулинизацию Своих и феминизацию Чужих (Râbov, Râbova 252).

В работе Татьяны Суспицыной анализируется феминизация Америки в российском дискурсе, например, в одной из статей Александра Проханова американская нация символически приравнивается к Монике Левински, а тело Америки рассматривается как доступное не только Биллу Клинтону, но и другим мужчинам и государствам (Suspitsina). Еще одним Чужим, феминизация которого становится составной частью ремаскулинизации России, является Украина, которая после Оранжевой революции, нередко предстает в образах корыстолюбивой сдержанки или „ветреной украинской любовницы” (Râbov, Râbova 254).

Все вышесказанное объясняет, почему после мюнхенской речи Путина в 2007 году выражение „Россия поднимается с колен” – в качестве символа политики реванша – стало чрезвычайно востребованным и легло в основу конструируемой политтехнологами „национальной идеи” (Barsenkov).

Осмеяние политического мифа

Петр Левандовский отмечает, что национальный политический миф представляет собой сплав двух единиц – этнического мифа и мифа об этни-

ческой группе, т. е. синтез авто- и гетероструктуры мышления (Lewandowski 48). В этом ракурсе исследовательскую ценность представляют не только элементы официального дискурса пропаганды, внедряющей в сознание социума мысль о Путине, поднявшем Россию с колен, но и осмысление этого конструкта в периферийной зоне политического дискурса, представленной разнообразными сатирическими жанрами, составляющими гипермем „Россия встает с колен”.

Убедительным представляется рассуждение Натальи Клушиной *о мемах как интернет-идеологемах*, структурирующих массовое сознание (Klušina 92). Мемы трактуются по-разному: как идеологический код, как единица информации, которая содержится в сознании, как разновидность архетипов сознания, использующихся в массовой коммуникации. Особенностью мема является скорость и широта, смысловемкость и высокая валентность, обеспечивающие его быстрое внедрение в массовое сознание, что позволяет трактовать мемы как медийное измерение мифологемы в силу общности их природы и функций: это образная идея, выраженная вербально и иконически, способная воздействовать на массовое сознание в заданном направлении; она не предполагает критического восприятия, а улавливается как растиражированный стереотип невольно, за счёт частотности использования и широкого распространения.

Материалом для анализа послужили мемы, обнаруженные в поисковой системе „Яндекса” на запрос „мем Россия поднимается с колен” в количестве 110 единиц. Отметим при этом, что в силу известности мема существуют готовые подборки искомых единиц (*Rossiâ podnimaetsâ s kolen karikatury*, электронный ресурс).

Сама по себе коленопреклоненная поза России становится предметом осмысления и языкового осмеяния в сатирическом гипертексте:

Телевизор захлебывался рассказами о *Rossii, встающей с колен* [...] ближе к путинскому демблю народ ответил и на официозную болтовню – коротким ударом репризы. „Запад пытался поставить *Rоссию на колени*, но она продолжала лежать...” (Šenderovič, *Plavlenyj syrok*);

Когда я слышу, что *Rоссия поднимается с колен*, мне хочется из предосторожности уточнить мизансцену. Что она делала на коленях, долго ли, кто ее поставил в такую позу? Не сама ли опустилась, не в силах стоять на ногах после вчерашнего? И чудится мне отчего-то: американский империализм и мировая закулиса тут совершенно ни при чем (Šenderovič, *Svoboda moćeispuskaniâ*).

Депатетизации мифологизированного штампа „Россия поднялась с колен” служит его частичная трансформация с добавлением отрицатель-

но маркированных компонентов – *воспаленные колени; страна, встающая с вселенным грохотом; лежащие в канаве*, а также характерное для современной публицистики сочетание в пределах короткого отрезка текста единиц высокого (*вечный бой, какому нет конца, адский пламень*) и низкого стиля (*воспаленные колени, бубня себе под нос, жалкая трясется заграница, раскидывать пальцы*):

Но в стране, несколько лет с вселенным грохотом встающей с колен по слухаю немыслимой нефтегазовой халывы, денег на горячую воду бабушке, смену белья и трехразовое питание так и не нашлось (Šenderovič, *Biznes-plan i babuška v uglu*);

[...] когда стухла цена за баррель, сдохла экономика и прекратились массовые галлюцинации лежащих в канаве о вставании с колен, на улицы российских городов начали помаленьку выходить озадаченные люди (Šenderovič, *Inogda oni ostaūtsā*).

В ряде мемов коленопреклоненная поза ассоциативно связана с церковью, культивированием некой доктрины и преклонением перед идолом, вождем (рис. 4–5).

Рис. 4

Ресурс: <https://stihi.ru/2022/06/02/1240>.

Рис. 5

Ресурс: https://www.politforums.net/internal/1533314315_10.html.

В меметическом гипертексте указаны *агенсы* (подниматели с колен), бенефициары этого процесса. Прежде всего это Путин, а также глава русской православной церкви, высший чиновничий аппарат России, Медведев, Собянин и Кадыров (рис. 7–9). Значимые иконические символы и вербальные отсылки позволяют провести ассоциативную параллель между бенефициаром и соответствующим ему историческим фигурантом, а также указать причинно-следственные связи (рис. 10–11).

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

ТРИ БОГАТЫРЯ!!!

Рис. 9

В.В.Путин

Рис. 11

Ресурс: <https://papik.pro/izobr/karikaturi/16640-rossija-podnimaetsja-s-kolen-karikatury-48-foto.html>.

Пациенсом, поднимаемым с колен, является российский народ, представленный в виде пожилой русской женщины, измощденного мужчины или прецедентных образов, характеризующихся высокой узнаваемостью и запускающих восприятие ситуации, отображенное в меме, в заданном автором русле. Одним из таких образов является визуальный ряд картины Ильи Репина „Бурлаки на Волге“ (рис. 12, 15).

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Ресурс: <https://papik.pro/izobr/karikaturi/16640-rossija-podnimaetsja-s-kolen-karikatury-48-foto.html>.

В ряде поликодовых текстов в отношении пациенса стержневым является мотив трупа, могилы, кладбищенских крестов (рис.15–17).

Рис. 15

Ресурс: <https://123ru.net/smi/d3-ru/173029490/>.

Рис. 16

Ресурс: <https://papik.pro/izobr/karikaturi/17515-davaj-vstavaj-karikatura-44-foto.html>.

Рис. 17

Ресурс: <https://papik.pro/izobr/karikaturi/16640-rossija-podnimaetsja-s-kolen-karikatury-48-foto.html>.

Прием когнитивного столкновения ситуации, сложившейся в стране, и ее места на мировой арене, позволяют публицистам развенчать идеологический штамп: „Россия, вопреки надеждам доброхотов, не встает с колен, а опускается на колени. Она ищет унижения, надеясь, что чувства помогут справиться с социальной слепотой” (Berg, *Rossiâ na kolenâh*). Контрастен по отношению к содержанию мифологемы и визуальный ряд мемов, представляющий пьяных, неухоженных мужчин, потерявших человеческий облик (рис. 18), убогость инфраструктуры и интерьера жилых домов (рис. 19) либо фотографии россиян, на коленях молящих президента о помощи, как в случае мемов, отсылающих к случаю, произошедшем в Екатеринбурге в мае 2018 года (рис. 20).

Рис. 18

Рис. 19

Ресурс: <https://papik.pro/izobr/karikaturi/16640-rossija-podnimaetsja-s-kolen-karikatury-48-foto.html>.

Рис. 20

Ресурс: https://www.poliforums.net/internal/1596283503_17.html.

Ряд мемов содержит логическую аргументацию, свидетельствующую об обнищании страны за время президентуры Владимира Путина. Как правило,

это вербальная составляющая текста, указывающая на увеличение прожиточного минимума в стране, на снижение пенсий и почасовой оплаты труда, вымирание деревень, сокращение населения отдельных регионов и т. п. (рис. 21–23).

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Ресурс: <https://papik.pro/izobr/karikaturi/16640-rossija-podnimaetsja-s-kolen-karikatury-48-foto.html>.

Однако большая часть мемов указывает не на логическую оценку ситуации, а на абсурдность ситуации в стране, когда заштампованные сознания не позволяют гражданам трезво оценить происходящее. Так, в гиперпопулярном обширном цикле мемов *Рашка – квадратный ватник* мифологема „Россия поднимается с колен” предстает в виде идеологического штампа, единицы в стандартном наборе клише, доведенных до автоматизации в сознании россиян, абсолютно неверифицируемых и не подлежащих критическому осмыслению. Не вдаваясь в историю этого цикла, отмечу, что в 2011 году его автором стал Антон Чадский („ВКонтакте”), но особую популярность персонаж приобрёл в русском и украинском сегментах интернета в 2014 году на фоне украинского кризиса и аннексии Крыма (*Slovar' Putina: političeskij sleng putinskoy épochi*; „Kiborgi”, „vatniki”, „bandery”: *ATO izmenila reč' ukraincev*, электронный ресурс). Семантика компонентов, составляющих название цикла, думаю, понятна: „рашка” – это пренебрежительная номинация россиянина от англ. *Russia, Russian*; атрибутив „квадратный” используется в разговорной речи в значении ‘консервативный, косный’, а „ватник”, по словам Гасана Гусейнова, „это предмет одежды бедных, обездоленных людей, у которых больше ничего нет и которые готовы его носить до конца своих дней. Он обозначает примитивного человека, который неспособен восстать против тех, кто угнетал его всю свою жизнь” („Ukropy” и „vatniki” – *ritorika vojny*, электронный ресурс).

Максим Кронгауз утверждает, что

привычные нам „кацап”, „москаль” и „хохол” никого уже не обижают: они слабые. Так появилось название „ватник” для прорусски настроенных граждан – тут не только нацио-

нальная окраска, но и социальная: ватник – это одежда (либо лагерная, либо рабочая) для не самых высоких слоев общества, поэтому это ещё и принижение по социальному признаку (Knorre-Dmitrieva).

Персонаж Рашка-Квадратный Ватник был создан по аналогии с Губкой Бобом, который, как и Ватник, квадратный по форме. По мнению автора, образ „ватника” собирает все отрицательные качества типичного россиянина и обличает нездоровые процессы, происходящие в российском обществе, а „патриотизм Ватника – это тотальная любовь к действующему режиму” (*Avtor Kvadratnogo Vatnika Čadskij*, электронный ресурс). По мнению Михаила Алексеевского, данный персонаж интернет-культуры представляет собой провокационный образ „квасного патриота”, ксенофоба и антисемита, страдающего от паранойи и алкоголизма (*Alekseevskij* 17). Ср.: ватник – это „собирательный образ твердолобого российского патриота, фанатично преданного идеи «Русского мира»” („*Vata*” s „*ukropom*” – *ázyk političeskikh temov*, электронный ресурс).

Главный персонаж этих мемов – пьяный уродец с подбитым глазом, в ватнике на фоне имперского и красного флагов, речь которого пестрит патриотическими лозунгами вперемешку с матершиной. Квадратный ватник использует фразу „Россия поднимается с колен”/„Путин поднял Россию с колен” в ряду других заученных штампов: „Америкосы пытаются уничтожить Россию”, „Запад пытается развалить Россию”, слабая „Гейропа”, „Мировая экономика на грани краха, но нам это на пользу”, „Хохлы продались НАТО”, „НАТО напало на Россию” и др. (рис. 24–25).

Рис. 24

Рис. 25

Ресурс: <https://helpset.ru/я-ватник-кто-это-такой-смотрим/>.

Заключение

Военные действия, свидетелями которых мы стали, предполагают столкновения не только на полях реальных сражений, но и на уровне информационного медиапространства. За сознание масс разворачиваются настоящие ментальные войны, существенную роль в которых играют политические мифологемы как результат суггестивных политтехнологий. Осмысливая функциональную нагрузку современных политических мифов, исследователи отмечают их негативный эффект. Так, Борис Дубин отмечает, что мифологемы выполняют консервативную функцию, препятствуя каким бы то ни было изменениям в социальном и культурном плане, поскольку они

инструмент всяческого препятствования процессам рационализации российским человеком, российским обществом, его ведущими группами и каждым человеком в отдельности собственного состояния, собственного предназначения, собственных обязательств, собственных дефицитов, собственных потерь (*Rossijskie mify – starye i novye*, электронный ресурс).

Проанализированные нами интернет-мемы представляют собой продукт коллективного сетевого творчества, результат культуры сопротивления политическим мифам. Завершая рассуждение, с позиции исследователя и преподавателя мне хотелось бы присоединиться к мысли академика Виктора Шейниса:

[...] сопротивление мифологии, демифологизация сознания, по крайней мере, в доступных нам средах, прежде всего, среди студентов, – чрезвычайно актуальная задача. [...] Как ни ограничены возможности просвещенных интеллектуалов, реализовать их до предела чрезвычайно важно для сохранения умственного и нравственного здоровья в обществе (*Rossijskie mify – starye i novye*, электронный ресурс).

References

- Ačkasov, Valerij. *Vzryvaūšaāsā arhaičnost': tradicionalizm v političeskoj žizni Rossii*. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 1997.
- Aklaev, Airat. „Causes and prevention of ethic conflict: An overview of post-Soviet Russian-language literature”. *Leadership and Conflict Resolution*. Red. Adel Safty. Washington, Universal Publishers, 2002, s. 249–304.
- Alekseevskij, Mihail. „Raška – Kvadratnyj vatnik: virtual'nyj personaž i kollektivnoe tvorčestvo v Seti”. *Vizual'noe i verbal'noe v narodnoj kul'ture*. Red. Aleksandra Arhipova, Sergej Neklúdov, Dmitrij Nikolaev. Moskva, RGGU, 2013, s. 16–17.
- Avtor Kvadratnogo Vatnika Čadskij: vyšivatniki – ludi, kotorye ne hotât menâtsâ. Web. 05.12.2023. <https://gordonua.com/publications/87552.html>.

- Barsenkov, Aleksandr. „Integraciâ Rossii v mirovoe soobšestvo: osnovnye ètapy”. *Geopolitičeskij žurnal*, 1 (17), 2017, s. 54–67.
- Barthes, Roland. *Mitologie*. Przeł. Adam Dziadek. Warszawa, Wydawnictwo KR, 2000.
- Basyrov, Rafaël'. *Mifo tom, čto Putin „podnâl Rossiû s kolen”*. Web. 05.12.2023. <https://kprfast.ru/news/writetous/mif-o-tom-chto-putin-podnyal-rossiyu-s-kolen.html>.
- Berg, Mihail. *Rossiâ na kolenâh*. Web. 09.08.2012. https://www.ej.ru/?a=note_print&id=12141.
- Berting, Jan, Christiane Villain-Gandossi. „Rola i znaczenie stereotypów narodowych w stosunkach międzynarodowych: podejście interdyscyplinarne”. Przeł. Jadwiga Piątkowska. *Narody i stereotypy*. Red. Teresa Walas. Kraków, Międzynarodowe Centrum Kultury, 1995, s. 13–27.
- Biernat, Tadeusz. *Mit polityczny*. Warszawa, PWN, 1989.
- Boer, Roland. *Political myth. On the use and abuse of Biblical themes*. London, Duke University Press, 2009.
- Delo*. 22.12.2008. Web. 05.12.2023. <http://www.idelo.ru/537/5.html>.
- Eliade, Mircea. *Aspekty mitu*. Przeł. Piotr Mrówczyński. Warszawa, Wydawnictwo KR, 1998.
- Eliade, Mircea. *Mity, sny i misteria*. Przeł. Krzysztof Kocjan. Warszawa, Wydawnictwo KR, 1999.
- Eliade, Mircea. *Sacrum, mit, historia. Wybór esejów*. Przeł. Anna Tatarkiewicz. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1993.
- Flood, Christopher. *Political myth: A theoretical introduction*. New York, Garland, 1996.
- Geert, Hofstede, Gert Jan Hofstede, Michael Minkov. *Kultury i organizacje: zaprogramowanie umysłu*. Tłum. Małgorzata Durska. Warszawa, Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2011.
- Igor' Èjdman: „Putin ne podnâl Rossiû s kolen, a postavil ee rakom”. Web. 05.12.2023. <https://www.newsru.com/blog/30oct2018/myth.html>.
- Izmajlov, Ivan, Raisa Kostomarova. „Ustami El'cina”. *Istorik*, 85, 2022.
- Kakimi slovami obogatilsâ naš ázyk posle Evromajdana*. Web. 05.12.2023. <https://www.niknews.mk.ua/2014/11/21/kakimi-slovami-obogatilsja-nash-jazyk-posle-evromajdana>.
- Kassirer, Èrnst. „Tehnika političeskikh mifov”. Per. Sergej Lezov. *Oktâbr'*, 7, 1993, s. 153–167.
- „Kiborgi”, „vatniki”, „bandery”: *ATO izmenila reč' ukraincev*. Web. 05.12.2023. <http://rian.com/ua/analytics/20150403/365724962.html>.
- Klemczak, Stefan. „Szaleństwo prób definiowania mitu”. *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Studia Religiologica: Mit w badaniach religioznawców*, 38, 2005, s. 45–64.
- Klušina, Natal'â. *Mediastilistika*. Moskva, Flinta, 2018.
- Knorre-Dmitrieva, Kseniâ. *Maksim Krongauz: „Vyrabatyvaûtsâ special'nye slova nenaâisti”*. 2014. Web. 05.12.2023. <https://novayagazeta.ru/articles/2014/09/12/611,26-maksim-krongauz-171-vyrabatyvayutsya-spetsialnye-slova-nenaâisti-187?ysclid=lmez2icoi9762207809>.
- Kotarba, Ewelina. „Współczesne mityzacje rzeczywistości społecznej w świetle ogłoszeń prasowych”. *Kultura – Media – Teologia*, 15, 2013, s. 110–120.
- Kowalski, Krzysztof. *Europa: mity, modele, symbole*. Kraków, Międzynarodowe Centrum Kultury, 2002.
- Letov, Egor. *Rodina*. Web. 05.12.2023. <https://www.gr-oborona.ru/texts/1056917372.html>.
- Levi-Brûl', Lû'sen. „Pervobytnoe myšlenie”. Per. Berta Šarevskaâ. *Psichologiâ myšleniâ*. Red. Úliâ Gippenrejter, Valerij Petuhov. Moskva, MGU, 1980, s. 130–140.
- Lévi-Strauss, Claude. *Myth and meaning*. Toronto, University of Toronto Press, 1978.
- Lewandowski, Piotr. *Narodowe mity (geo)polityczne Rosji w kontekście bezpieczeństwa informacyjnego*. Kraków, Universitas, 2022.
- May, Rollo. *Blaganie o mit*. Przeł. Beata Moderska. Poznań, Zysk i S-ka, 1997.
- Mutovkin, Leonid. *Političeskie mify*. Web. 05.12.2023. <https://vk.com/notes41330258?offset=0>.

- Nikžentaitis, Alvydas. „Mity narodowe Litwy i Europy śródowej a historia”. *Odra*, 12, 2001, s. 20–25.
- Nowak, Aleksandra. „Mit polityczny – opowieść o nas i naszych czasach”. *Euro-Facta. Kultura a komunikacja*, 2, 2010, s. 95–108.
- Počepcov, Georgij. *Informacionno-psihologičeskaâ vojna*. Moskva, Sinteg, 2000.
- Podnâlas' li Rossiâ skolen?*. Web. 05.12.2023. <http://kprf.ru/crisis/64790.html>.
- Prânikov, Pavel. *Kto avtor termina „Rossiâ podnimaetsâ s kolen”?*. Web. 05.12.2023. https://mos-monitor.ru/articles/polytic/kto_avtor_termina_rossiya_podnimaetsya_s_kolen/.
- Râbov, Oleg, Tat'âna Râbova. „„Rossiâ podnimaetsâ s kolen”?: remaskulinizaciâ i novaâ rossijskaâ identičnost’?”. *Ličnost'. Kul'tura. Obšestvo*, 3–4 (42–43), 2008, s. 250–257.
- Rossiâ podnimaetsâ s kolen karikatury*. Web. 05.12.2023. <https://papik.pro/izobr/karikaturi/16640-rossija-podnimaetsja-s-kolen-karikatury-48-foto.html>.
- Rossijskie mify – starye i novye*. Web. 05.12.2023. <https://abai.kz/post/1194>.
- Siewierska-Chmaj, Anna. „Mitologia polityczna jako fundament ideologii. Próba analizy”. *Przekazy polityki*. Red. Anna Siewierska-Chmaj et al. Kraków–Rzeszów–Zamość, Konsorcjum Akademickie, 2009, s. 9–60.
- Slovar' Putina: političeskiy sleng putinskoy èpohi*. 2015. Web. 05.12.2023. https://24tv.ua/ru/slovar_putina_politicheskij_sleng_putinskoy_jepohi_n573642.
- Słatkiewicz, Żanna. *Političeskiy fel'eton v svete teorii rečevogo vozdejstviâ*. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013.
- Suspitsina, Tatiana. „The rape of Holy Mother Russia and the hatred of femininity: The representation of women and the use of feminine imagery in the Russian nationalist press”. *Anthropology of East Europe Review*, 17 (2), 1999, s. 114–123.
- Svobodnoe slovo Rusi*, 31, 1989.
- Szacka, Barbara. „Mit a rzeczywistość społeczeństw nowoczesnych”. *O społeczeństwie i teorii społecznej*. Red. Edmund Mokrzycki, Maria Ofierska, Jerzy Szacki. Warszawa, Wydawnictwo PWN, 1985, s. 475–494.
- Šaburova, Ol'ga. „Mužik ne suetitsâ, ili pivo s harakterom”. *O muže(N)stvennosti*. Red. Sergej Ušakin. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, s. 532–555.
- Šejgal, Elena. *Semiotika političeskogo diskursa*. Moskva, Gnozis, 2004.
- Šenderovič, Viktor. *Biznes-plan i babuška v uglu*. Web. 11.11.2008. <http://www.shender.ru/paper/text/?file=236>.
- Šenderovič, Viktor. *Inogda oni ostaûtsâ*. Web. 26.02.2010. <https://www.svoboda.org/a/1968106.html>.
- Šenderovič, Viktor. *Plavlenyj syrok*. Web. 10.05.2008. <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A8/shenderovich-viktor/plavlenij-sirok/174>.
- Šenderovič, Viktor. *Svoboda močeispuskaniâ*. Web. 06.06.2007. <https://www.svoboda.org/a/396240.html>.
- Šuman, Efim, Anastasiâ Bucko. *Gasan Gusejnov o novoâze nenanisti*. 2015. Web. 05.12.2023. <https://www.dw.com/ru/укропами-по-колорадам-гасан-гусейнов-о-новоязе-ненависти/a-18334354>.
- Tal'kov, Igor'. *My žestokogo vremeni deti*. Web. 05.12.2023. <https://allyr.ru/lyrics/song/82936-igor-talkov-my-zhestokogo-vremeni-det/>.
- „Ukropy” i „vatniki” – ritorika vojny. Web. 05.12.2023. <https://rus.azatutyun.am/a/ukropy-valenki-leksika-voiny/26591776.html>.
- Utkin, Anatolij. *Pod"em i padenie Zapada*. Moskva, ACT, 2008.

- Vasilenko, Sergej. *Političeskoe kolenopreklonenie*. Web. 05.12.2023. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001f/00124143.htm>.
- „Vata” s „ukropom” – ázyk političeskikh memov. Web. 05.12.2023. https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/08/140808_ru_s_new_words.
- Waniek, Danuta. „Mity założycielskie – mity polityczne. Ich znaczenie w procesie kształtowania współczesnych podziałów społecznych”. *Państwo i Społeczeństwo*, 4, 2011, s. 9–45.
- Wiński, Grzegorz. „Mit jako kategoria analizy politycznej” (część I). *Zeszyty Społeczne KIK*, 14, 2006, s. 173–183.
- Włodarczyk, Joanna. „Współczesne mity polityczne. Mity okrągłego stołu oraz IV Rzeczypospolitej jako mity powstania nowego państwa”. *Poliarchia*, 1, 2013, s. 141–153.
- Zemsał, Piotr. „Neskol’ko zamečanij otnositel’no ponātiā ideologemy”. *Političeskaā lingvistika*, 2 (48), 2014, s. 138–142.

